

УДК 159.923.2-053.6:316.622-055.52

РОЛЬ ТИПА РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕННОСТИ ПОДРОСТКА

И. С. Морозова, Н. А. Викдорова

THE ROLE OF PARENTAL BEHAVIOUR TYPE IN THE PROCESS OF FORMATION OF TEENAGERS' PSYCHOLOGICAL SOVEREIGNTY

I. S. Morozova, N. A. Vikdorova

В статье рассматривается роль родительского поведения в процессе становления психологической суверенности подростка. Обсуждаются различия в типах семейных отношений. Показаны различия в типах жизненной позиции личности в зависимости от типа семейного воспитания.

The paper discusses the role of parental behaviour in the process of formation of the psychological sovereignty of a teenager. The authors discuss the differences in the types of family relationships and show the differences in the type of the individual's life position depending on the type of family education.

Ключевые слова: подросток, границы психологического пространства, тип родительского поведения, психологическая дистантность, тип жизненной позиции.

Keywords: teenager, psychological space borders, type of parental behaviour, psychological distance, type of life position.

В современном обществе семья реализует важную функцию воспитания детей в условиях их социализации. Внутрисемейные отношения являются важной средой развития ребенка.

В процессе развития психика человека претерпевает кризисы, которые провоцируют возникновение нестандартных сценариев их преодоления. Именно поэтому, еще, будучи в младенческом возрасте, очень важно установить так называемую «безопасную привязанность» между ребенком и родителями. Необходимость в таких детско-родительских отношениях, при которых ребенок проявляет потребность и готовность принимать помощь, утешение и поддержку родителя, в случае любых трудностей, возникающих в его жизненных ситуациях, очевидна, т. к. при таком общении родителя с ребенком не происходит нарушения психологических границ личности ребенка.

Опыт, полученный ребенком в условиях подобных взаимодействий, в будущем станет фундаментом для дальнейшего гармоничного развития детско-родительских отношений. Именно сохранение границ психологического пространства личности на всех этапах ее развития обеспечивает становление суверенности [4].

До того как ребенок появляется в семье, его родители уже имеют некоторые представления о его воспитании, основываясь на собственном социальном опыте. Наблюдая за воспитанием ребенка другими людьми, будущий родитель отмечает как ошибочный опыт, так и продуктивный уже состоявшихся родителей и делает соответствующие каждой ситуации выводы. «Считается также, что одним из важнейших факторов формирования отношения к ребенку выступают отношения с собственными родителями в период детства. Модели родительского поведения, выхода из сложных ситуаций, в том числе и педагогических, усваиваются людьми с самого раннего детства и демонстрируются в собственном родительстве не всегда осознано [3, с. 120].

Социальной средой ребенка являются не только его родители, но и все семейное окружение: бабушки,

бабушки, братья, сестры, а так же все те, кто на протяжении долгого времени взаимодействуют с ним.

Для нашего исследования, особую актуальность приобретают предложенные С. К. Нартова-Бочавер ряд норм и правил, которые, по нашему мнению, должны помогать нормализовать общение между взрослыми и детьми в семье: у тех и других должна быть своя территория в доме, и та и другая сторона должны признать приватность друг друга и допускать избегание от сверхсильного давления с любой стороны.

Границы психологического пространства личности дают человеку переживание суверенности собственного «Я», чувство безопасности, уверенности в себе и доверия к миру. (К. Левин, Э. Эриксон, А. Б. Орлов). С. К. Нартова-Бочавер отмечает, что развитие суверенности и уточнение границ психологического пространства происходит на протяжении всей жизни, но особенно продуктивным в этом процессе являются периоды дошкольного и подросткового возраста [5, с. 222].

И. С. Кон подчеркивает, что в подростковом возрасте ребенок чувствует усиление стремления к социальной и территориальной автономии, а так же неприкосновенности личного пространства [1, с. 5]. Подобные индивидуальные интенции не всегда могут быть приняты и одобрены его взрослым окружением, и речь здесь идет не только о родителях и родных людях, но и о школьных педагогах, тренерах, художественных руководителях и т. д.

Все эти трудности, связанные с пубертатным периодом влекут за собой конфликты: внутриличностные, внутрисемейные и школьные.

Внутрисемейные отношения подростка обусловлены типом поведения, которого придерживаются его родители при воспитании своих детей. Для определения жизненного пути развития ребенка, его формирующейся жизненной позиции мы предлагаем ориентироваться на стратегию развития личности ребенка в семье, включающую механизм развития семьи, типы семейных отношений, жизненные стили семьи (семейное кредо).

Различные жизненные стили семьи и типы семейных отношений по-разному влияют на развитие личности ребенка, определяя пути его развития (Д. А. Леонтьев, Е. Р. Калитиевская).

Авторитарный тип семейных отношений определяет конформный путь развития ребенка в семье, который характеризуется преобладанием опоры на внешние критерии принятия решения и чувства независимости результатов действий от собственных усилий. Действия ребенка зависят полностью от внешней оценки, которую можно заслужить, ведя себя соответственно внешним требованиям. В будущем такой человек может успешно приспособиться к жизни ценой безоговорочного принятия внешних требований и оценок в качестве руководства к действию.

Авторитарный тип семейных отношений определяет, на наш взгляд, симбиотический путь развития ребенка в семье и включает в себя предпосылки невротического развития личности, которое обусловлено тем, что ребенок испытывает эмоциональное отчуждение по отношению к родителям в связи с «жестким» контролем со стороны матери и отношением как к маленькому со стороны отца; так как у родителей возникает страх самостоятельности ребенка и они, чаще всего бессознательно, стремятся сохранить его зависимость от них, делая свою любовь условной наградой за желаемое поведение. Несвобода ребенка сочетается с извращенной формой ответственности – с «ответственностью» за реализацию не своих, а чужих ценностей. Родители пристально контролируют и оценивают поведение ребенка, не принимая его в целом как личность. Тем самым у него формируется ориентация на «заработанное» признание.

Демократический тип семейных отношений формирует импульсивный путь развития личности ребенка. Противоречивость отношений родителей дает ребенку право на активность, однако неразвитая саморегуляция делает непостижимой подлинную свободу, место которой занимает импульсивный протест, противопоставление себя другим.

Альтруистический тип семейных отношений формирует автономный путь развития личности ребенка, основанный на свободе и ответственности, так как родители предоставляют ребенку самостоятельность, сохраняя эмоциональное принятие. «Люди, относящиеся к этому типу, отличаются устойчивым положительным самоощущением, опорой на внутренние ценностные критерии в ситуации принятия решения, ощущением своей личной ответственности за результаты своих действий» [2]. Автономный путь развития является единственным путем, основанным на истинной свободе и ответственности, ведущим к личностной зрелости и полноценному человеческому существованию. Истинная свобода и ответственность, царящие в семье, развивают в ребенке соответственно активность и осознанность как основания, формирующие в школьные годы отношение личности к собственной жизни, т. е. жизненную позицию. Сочетание этих оснований как параметров дает четыре типа жизненной позиции, соответствующие описанным выше четырем путям личностного развития.

Активность жизненной позиции – это способность личности управлять событиями своей жизни; осознан-

ность – степень выделения себя личностью из потока своей жизни, осознания несовпадения своего «Я» и объективно разворачивающегося жизненного процесса [2].

Конформный тип развития порождает страдательную позицию ребенка и характеризуется отсутствием активности и осознанности по отношению к своей жизни; полным пассивным подчинением обстоятельствам; принятием всего, что происходит, как неизбежно и неконтролируемого.

Симбиотический путь развития ребенка определяет созерцательную позицию, которая характеризуется осознанностью и отсутствием активности. Осознавая события своей жизни как происходящие отдельно от своего «Я», такой человек не в состоянии на них воздействовать либо по причине убежденности в невозможности это сделать, либо – невротической неуверенности в себе, своих силах и возможностях.

Импульсивный путь личностного развития формирует импульсивную позицию человека, для которой характерно наличие активности и отсутствие осознанности. Такой человек стремится управлять своей жизнью, будучи не в состоянии ее осмыслить, поэтому управление жизнью принимает характер хаотичных, импульсивных решений, не связанных логикой и жизненной целью.

Автономный путь личностного развития порождает действенную жизненную позицию, основанную на активности и осознанности, и характеризуется тем, что человек не просто осознает течение своей жизни, но способен встать по отношению к ней активную позицию и управлять ею.

Итак, мы видим, что типы семейных отношений и свойственные им стили жизненного пути по-разному влияют на развитие личности ребенка, определяя путь его личностного развития и формируя его жизненную позицию в подростковом возрасте. Формирование зрелой личностной позиции подростка возможно лишь в том случае, если:

- 1) ребенок с рождения развивается в семье альтруистического типа, где отношения строятся на основе свободы и ответственности;
- 2) ребенку предоставлен автономный путь развития;
- 3) ребенок овладевает механизмом эмоционально-личностного развития;
- 4) ребенок занимает действенную жизненную позицию, основанную на активности и осознанности.

Такие сложности в жизни подростка возникают в условиях семейного воспитания. Но условия жизни таковы, что не все дети воспитываются в семье, среди них есть и те, которые воспитываются в условиях приюта, интерната, детского дома.

В случае депривации детско-родительских отношений возникает несколько иная картина развития и становления психологической суверенности личности. Почти на каждой стадии становления суверенности личности происходит увеличение ее за счет расширения психологического пространства: формирование тесной идентичности, освоение личной территории личных вещей и т. д. Ребенок определяет границы своего психологического пространства, определяя для себя «чужие», «чужое». Как определить для себя эти

границы ребенку, лишенному окружения, определяющего понятия «свое», «свой», без которых невозможно определить «чужое», «чужие»? Границы психологического пространства размыты, впоследствии стертые. В результате усиливается чувство неопределенности, появляется агрессия, как необходимость хоть какой-то самозащиты от внешнего мира, затем чувство безграничности и агрессии (хоть какой-то защищенности), позволяют ощутить чувство вседозволенности.

При этом внутреннее одиночество верный спутник в жизни для такого ребенка. Разработанная С. К. Нартовой-Бочавер концепция психологической суверенности определяет личностную суверенность как состояние границ психологического пространства, являющихся инструментом равноправного взаимодействия с миром и селекции внешних влияний, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека. Пространство с целостными границами определяется как суверенное (т. к. его обладатель может поддерживать свою личностную автономию), а пространство с нарушенными – как депривированное [5]. Но пространство может быть депривированным у детей воспитывающихся как в условиях детского дома, так и в условиях семейного воспитания.

Среди условий, влияющих на целостность границ психологического пространства подростка необходимо отметить отношения между ним и его родителями, которые в свою очередь зависят от стиля воспитания в семье, а так же умения родителей уважать право их ребенка на приватность [6, с. 150]. Надо сказать, что в подростковом возрасте ребенок испытывает не только необходимость в приватности своих межличностных отношениях, но в увеличении дистанции их осуществления.

По определению И. Альтмана приватность обозначена как центральный регуляторный процесс, при помощи которого человек или группа делает себя более или менее доступной, или открытой для других; это избирательный контроль доступности человеческого Я, выбор человека быть в контакте и вне контакта с другими; это способ установления межличностных границ, которые, как клеточная мембрана, открывают человека и закрывают человека для общения [6, с. 150].

Становление психологической дистантности личности заключается в осмысленном отделении личностного Я от Я другого человека, выраженного в строительстве «себя как субъекта» [7, с. 57].

Исходя из определений приватности и психологической дистантности, следует, что становление психологической суверенности личности сопровождается наличием этих двух процессов.

Если рассматривать стили воспитания в семье в рамках приватности и психологической дистантности, то Т. В. Брагина отмечает родительскую позицию как характер эмоционального отношения отца и матери к ребенку. Выделяет шесть типов позиций: чрезмерная эмоциональная дистанция между родителями и детьми, эмоционально уравновешенное отношение к детям, излишняя концентрация внимания на детях, доминирование по отношению к детям, позиция независимого руководства родителей, излишняя уступчивость по отношению к детям [3, с. 122].

Рассматривая становление суверенности психологического пространства (границ психологического пространства) у детей подросткового возраста следует отметить, что условия протекания этого процесса у детей, воспитывающихся в условиях детского дома и семьи отличны друг от друга. Подростки, проживающие в детском доме, не имеют взаимоотношений с родителями (родными людьми) – в процессе воспитания задействованы другие лица – воспитатели. В семье же ребенок подвержен воспитанию со стороны родителей. Другой вопрос, какое это воспитание. Стиль воспитания в семье влияет на то, субъектным будет психологическое пространство или нет. Подросток, проживающий в условиях детского дома, чаще всего границы психологической дистантности и приватности обозначает немного раньше подростка из семьи и более четко. Здесь позиция «свое» – «чужое» в отношении подростка, воспитывающегося в детском доме, начинает работать раньше. Однако, жесткость этих границ (крайность) может влиять только в сторону депривации границ психологического пространства. К тому же межличностные отношения с коллективом у ребенка из семьи устанавливаются гораздо позже, чем у воспитанника детского дома. Что в свою очередь для подростков из детского дома мешает правильно установить границы как психологической дистантности, так и приватности. В данном случае они служат ребенку своеобразной защитой, и в большинстве случаев, находят свое выражение через агрессию.

Отсутствие «безопасной привязанности» зарождающейся еще на стадии младенчества у большинства детей в детском доме (дети попадают в разном возрасте и по разным причинам), которая очень рано позволяет им ощутить себя одинокими в этом мире и заставляет быть обособленными.

В качестве альтернативы действий взрослых, осуществляющих воспитательные воздействия по отношению к обособляющемуся подростку, мы считаем возможным предложить использование модели предоставления возможности реализовывать автономный путь развития личности ребенка, основанный на свободе и ответственности. Взрослые предоставляют ребенку самостоятельность, сохраняя эмоциональное принятие, устойчивое положительное самоощущение, опору на внутренние ценностные критерии в ситуации принятия решения, ощущение своей личной ответственности за результаты своих действий.

Кумулятивный характер становления суверенности проявляется в том, что опыт автономного поведения в одной ситуации, обобщаясь, переносится на стратегии поведения в других ситуациях. По отношению к развитию становление означает переход от развития меньшей степени сложности, так сказать, низшего порядка, к развитию большей степени сложности, более высокого порядка [3, с. 60].

В заключении следует отметить, что качество детско-родительских взаимоотношений зависит от правильно выбранной позиции семейного воспитания, которое в свою очередь предполагает влияние на способность выстраивать психологические границы согласно своей чувствительности к воздействиям среды и потребностям, возникающим в результате этого взаимодействия.

Литература

1. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
2. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Моск. ун-та. 1997. № 1. С. 20 – 27. (Серия 14: Психология).
3. Морозова И. С., Белогой К. Н., Борисенко Ю. В. Психология семейных отношений: учебное пособие. Кемерово, 2012. 424 с.
4. Морозова И. С., Викдорова Н. А. Становление суверенности личности в связи с возрастными кризисами развития // Педагогика, психология и образование: состояние и перспективы эволюции в России и за рубежом: сб. материалов Международной научной конференции / под ред. О. С. Зайцева. М., 2013.
5. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.: ил. (Серия: Учебное пособие).
6. Хозяинова Т. К., Ктениду М. Д. Тип отношения родителей к детям как условие поддержки приватности подростка // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 5(95).
7. Шиянов Е. Н., Калмыкова О. И. Психологическая дистантность подростков в условиях педагогического взаимодействия // Вестник практической психологии образования: научно-методический журнал / ред. Е. Метелькова, О. Решетникова. 2006. № 4(9).

Информация об авторах:

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития КемГУ, ishmorozova@yandex.ru.

Irina S. Morozova – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Викдорова Наталья Александровна – аспирант кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, vikdorova@mail.ru.

Natalia A. Vikdorova – post-graduate student at the Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **И. С. Морозова**).

Статья поступила в редколлегию 08.12.2014 г.